

АЛЕКСѢЙ СТЕПАНОВИЧЪ ХОМЯКОВЪ.

ЕГО ЖИЗНЬ И СОЧИНЕНІЯ.

Валерія Лясковаго.

1922
4/92

А. С. Вяземинъ.
№

МОСКВА.

1897.

1898
№ 25

АЛЕКСѢЙ СТЕПАНОВИЧЪ ХОМЯКОВЪ.

ЕГО ЖИЗНЬ и СОЧИНЕНІЯ.

Валерія Лясковаго.

1922
4/92

А. С. Вяземинъ.
№

МОСКВА.

1897.

1898
N 25

10. III
1131.

АЛЕКСѢЙ СТЕПАНОВИЧЪ

ХОМЯКОВЪ.

1934

ЕГО ЖИЗНЬ и СОЧИНЕНІЯ.

Валерія Лясковаго.

1922
419⁴

МОСКВА.

Университетская типографія, Страстной бульварь.

1897.

58

Проверено
ЦНБ 1939

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Трудность исторической оцѣнки умственнаго дѣятеля.—Необходимость исторической перспективы при такой оцѣнкѣ. — Особенность дѣятельности Хомякова.—Отношеніе къ нему и къ его сторонникамъ двухъ господствующихъ общественныхъ партій.—Необходимость правильной оцѣнки славянофильства.—Задача предлагаемаго труда.—Его планъ.—Цѣль автора..... 1

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Жизнь А. С. Хомякова.

I.

Происхожденіе, дѣтство и первая молодость..... 5

II.

Служба въ Петербургѣ.—Встрѣчи съ Декабристами.—Повѣзка за границу.—Трагедія „Ермакъ“.—Возвращеніе въ Россію. 12

III.

Вторичное поступленіе на службу. — Война 1828—29 гг.—Москва.—Споры съ друзьями.—Слѣды настроенія Хомякова въ его стихотвореніяхъ..... 18

IV.

Отношеніе къ женщинамъ.—Женитьба.—К. М. Хомякова.—Дѣти.. 23

V.

Жизнь въ Москвѣ и деревнѣ.—Заграничное путешествіе.—Отношеніе Хомякова къ своимъ произведеніямъ.—Литературные противники, единомышленники и друзья.—К. С. Аксаковъ и Ю. О. Самаринъ.—Валуевъ.—Сочиненія Хомякова..... 30

VI.

Славянофильство.—Отношеніе къ нему правительства и общества.— Взглядъ Хомякова на призваніе его сотрудниковъ.....	38
--	----

VII.

Основные черты убѣжденій и характера Хомякова.—Смерть же- ны.—Сочиненія послѣднихъ лѣтъ жизни.....	44
---	----

VIII.

Новое царствованіе.—Русская Бесѣда.—Крестыанскій вопросъ.— Дѣло Хомякова въ его собственномъ сознаніи.—Смерть друзей и ма- тери.—Кончина Хомякова.—Отзывы о немъ.....	57
---	----

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Сводъ сочиненій Хомякова.

Необходимость систематизаціи сочиненій Хомякова.—Основанія и способъ расположенія содержанія въ предлагаемомъ изложеніи.—Схе- ма его	67
--	----

I.

Исторія религій.

Значеніе вѣры въ жизни человѣка.—Религіи міра при началѣ исто- ріи.—Два основныя религіозныя начала, начало стихійное—религія ве- щественной необходимости, и начало духовное—религія нравственной свободы.—Ихъ столкновеніе, взаимное воздѣйствіе и сліяніе.—Будда- измъ.—Всеобщее измелъчаніе религій.—Реформаторы.—Религіозное пре- даніе народа Еврейскаго.—Религіи Греціи и Рима.—Система эманаций.— Философія.—Проповѣдь Еврейства.—Конецъ древнихъ вѣрованій.—Яв- леніе Мессіи.—Христіанство.—Исламъ.—Значеніе Христіанства въ по- слѣдующей исторіи человѣчества.....	69
---	----

II.

Церковь.

Вселенскіе соборы.—Ученіе о Церкви. Откровеніе.—Мѣра пости- женія человѣкомъ божественной истины и выраженія ея человѣческимъ языкомъ.—Видимый образъ Церкви.—Христіанинъ какъ членъ граждан- скаго общества.—Историческія судьбы христіанства.—Церковная и го- сударственная жизнь Византіи.....	90
---	----

III.

Раздѣленіе церквей.

Церковное единство.—Причины его нарушенія.—Особенности западныхъ епархій.—Возвышеніе папства.—Языческія стихіи Римскаго католицизма.—Отдѣленіе Западной церкви отъ Восточной..... 103

IV.

Западные исповѣданія.

Латинство и Протестантство.—Отношеніе западнаго христіанина къ Церкви.—Западная философія.—Борьба между Латинствомъ и Протестантствомъ.—Торжество невѣрія.—Отношеніе Церкви къ западнымъ исповѣданіямъ.—Церковная полемика..... 111

V.

Христіанская жизнь.

Земной удѣлъ христіанина.—Общеніе молитвы.—Отношеніе чловека къ ближнимъ.—Семья ... 118

VI.

Народность.

Народная личность.—Народность въ искусствѣ и наукѣ.—Общество и государство.—Два основныя общественныя силы.—Народы завоевательные и народы земледѣльческіе..... 121

VII.

Человѣчество.

Смѣна народовъ въ исторіи.—Задачи исторической науки.—Общій характеръ народовъ древности.—Куниты и Иранцы..... 125

VIII.

Славянство.

Древнее разселеніе Славянъ.—Судьбы ихъ въ новое время.—Возрожденіе Славянства..... 129

IX.

Россія.

Значеніе Россіи для Славянства.—Коренныя особенности Русскаго народа.—Его отношеніе къ Христіанству.—Участіе Церкви въ созданіи Русскаго государства.—Значеніе Москвы.—Дружина боярство.—Со-

словность.—Начало общественное и начало личное.—Народная исключительность.—Сторонники новизны.—Петръ Великій.—Формализмъ въ Русской жизни.—Отчужденіе Русскаго образованнаго общества отъ Русской старины и Русской народности..... 133

X.

Задачи просвѣщенныхъ Русскихъ людей и будущее Россіи.

Возвратъ къ началамъ Русской народной жизни.—Возрожденіе Русскаго просвѣщенія.—Словесность, пластика, музыка.—Археологія.—Общественное воспитаніе и печать.—Надежды на будущее..... 147

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

Хомяковъ въ жизни и словѣ.—Мнѣнія о немъ современниковъ — противниковъ, единомышленниковъ и учениковъ.—Путь къ справедливой его оцѣнкѣ.—Краткая схема религіозно-исторической системы Хомякова.—Отношеніе къ нему современниковъ разныхъ общественныхъ слоевъ и направленій.—Двѣ формы Русскаго западничества: консерватизмъ и либерализмъ.—Положеніе, занимаемое славянофильствомъ по отношенію къ нимъ.—Участіе отдѣльныхъ славянофиловъ въ выработкѣ славянофильскаго ученія: Кирѣевскій, Аксаковъ, Самаринъ.—Мѣсто Хомякова между ними.—Опредѣленіе совершеннаго имъ дѣла.—Послѣдователи Хомякова —Ихъ убѣжденія, задачи и долгъ..... 167

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ЖИЗНЬ А. С. ХОМЯКОВА.

АЛЕКСѢЙ СТЕПАНОВИЧЪ ХОМЯКОВЪ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Трудность исторической оцѣнки умственнаго дѣятеля.—Необходимость исторической перспективы при такой оцѣнкѣ.—Особенность дѣятельности Хомякова.—Отношеніе къ нему и къ его сторонникамъ двухъ господствующихъ общественныхъ партій.—Необходимость правильной оцѣнки славянофильства.—Задача предлагаемаго труда.—Его планъ.—

Цѣль автора.

Оцѣнка историческаго дѣятеля тѣмъ легче для современниковъ и потомства, чѣмъ рѣзче очерченъ кругъ его дѣятельности и чѣмъ доступнѣе область ея пониманію большинства. Законодатель и полководецъ будутъ поняты раньше, чѣмъ художникъ и мыслитель; потому что трудъ послѣднихъ, хотя быть можетъ болѣе глубокой и плодотворный, не отражается такъ непосредственно на внѣшней жизни народа, не затрогиваетъ тотчасъ ея ежедневнаго теченія. Чѣмъ выше и духовнѣе работа, чѣмъ шире захватъ ея, чѣмъ меньше даетъ она готовыхъ выводовъ для немедленнаго примѣненія, тѣмъ чаще работникъ остается незамѣченнымъ и неоцѣненнымъ. Трудъ мысли и духа, борьба ученія и слова не поддаются тому легкому, поверхностному воспріятію, которое тотчасъ доступно всякому. Часто человѣкъ успѣваетъ сойти въ могилу прежде, чѣмъ поймутъ его; а нерѣдко и надъ могилою его нескоро наступаетъ правдивая и безпристрастная оцѣнка. И какъ тому, кто стоитъ вплотъ возлѣ высокой башни, видны лишь камни ея основанія, и ему нужно отойти въ даль, чтобы разглядѣть ея истинные размѣры и красоту: такъ и въ области духа мы часто не разумѣемъ значенія историческаго лица, потому что стоимъ къ нему еще слишкомъ близко. Нужно намъ удалиться отъ него ходомъ времени, нужно ему отойти для насъ въ историческую даль, чтобы намъ стало возможно вѣрное его пониманіе.

Таковъ былъ человѣкъ, изображенію жизни и трудовъ котораго посвящено нижеслѣдующее. И не потому говоримъ мы это, приступая къ разсказу о немъ, что такимъ голословнымъ сужденіемъ думаемъ напередъ возвысить его во мнѣніи читателя: подобный приѣмъ умѣстенъ развѣ въ надгробномъ словѣ, а не въ историческомъ жизнеописаніи; да къ человѣку этому и не идутъ такіе искусственные приемы возвеличенія. Цѣль наша иная: мы желали бы по возможности выяснить поводъ къ появленію нашего труда, его происхожденіе и задачу.

Алексѣй Степановичъ Хомяковъ прожилъ немало (пятьдесятъ шесть лѣтъ) и во вторую половину своей жизни принималъ такое замѣтное участіе въ умственной жизни своего времени, котораго и противники его возрѣній никогда не отрицали. Но онъ не только никогда не выступалъ на поприще дѣятельности практической, а и въ научныхъ и печатныхъ своихъ трудахъ затрогивалъ главнымъ образомъ вопросы свойства духовнаго, вѣчнаго, лишь изрѣдка касаясь текущихъ житейскихъ дѣлъ. Поэтому естественно, что дѣятельность его была недостаточно оцѣнена при жизни и медленно находить оцѣнку по смерти. Но этого мало. Этимъ объяснялось бы столь позднее появленіе перваго опыта его біографіи, и въ такомъ положеніи находится не онъ одинъ, а, къ сожалѣнію, и многіе другіе крупныя Русскіе дѣятели. Есть иная причина, замедляющая безпристрастную оцѣнку Хомякова, причина, дѣйствовавшая по отношенію къ нему болѣе, чѣмъ къ кому бы то ни было.

Хомякова и немногихъ близкихъ къ нему по убѣжденіямъ людей (частью сверстниковъ, частью учениковъ) литературные ихъ противники называли Славянофилами. Имя это, данное отчасти въ насмѣшку, утвердилось за ними. Люди мало знакомые съ дѣломъ думали и думаютъ, что, согласно съ прозвищемъ, вся суть славянофильства въ сочувствіи съ зарубежными Славянами, въ панславизмъ; болѣе освѣдомленные считали и считаютъ основнымъ догматомъ Славянофиловъ обособленіе Русской народности (націонализмъ); лишь сравнительно немногіе, читавшіе сочиненія Хомякова и другихъ, знаютъ, что проповѣдь народнаго самосознанія была у Славянофиловъ, и въ особенности у Хомякова, выводомъ изъ цѣлой совокупности религіозныхъ убѣжденій и историческихъ возрѣній.

При жизни старыхъ Славянофиловъ (Кирѣевскихъ, Хомякова, Самарина, Аксаковыхъ) имъ противопоставались Западники. Теперь, черезъ полвѣка послѣ спора этихъ двухъ направленій мысли, мы видимъ въ нашемъ ученomъ литературномъ и общественномъ мірѣ опять два господствующихъ направленія, называемыя обыкновенно либеральнымъ и консервативнымъ. Принято представителей перваго считать преемниками Западниковъ, защитниковъ втораго—наслѣдниками Славянофиловъ. Не будемъ останавливаться на вопросѣ о преемствѣ западно-либеральнаго направленія; въ этомъ вопросѣ обѣ стороны довольно согласны. Совершенно иначе представляется теперешній взглядъ на славянофильство. Впродолженіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ многіе вожди такъ называемаго консервативнаго направленія находили удобнымъ для себя приурочивать проводимые ими взгляды ко взглядамъ Славянофильскимъ, вѣрнѣе—пользоваться Славянофильскою терминологіею. Такое стремленіе было настолько сильно, что противники ихъ, теперешніе либералы, и на славянофильство стали смотрѣть тѣми глазами, какими смотрятъ они на современный публицистическій консерватизмъ. Съ другой стороны, сами консерваторы никогда не переставали нѣсколько стонить на Славянофиловъ, коихъ оружіемъ они зачастую пользовались, въ

тайнѣ считая ихъ тоже либералами, только другого сорта, чуть ли не еще болѣе опаснаго... Такимъ образомъ истинное славянофильство было и осталось равно въ недовѣріи и подозрѣніи у обѣихъ, такъ сказать, официально признаваемыхъ литературно-общественныхъ партій. Такое положеніе кажется на первый взглядъ страннымъ, а между тѣмъ объясненіе его очень просто. Дѣло въ томъ, что обѣ эти такъ называемыя наши партіи, либералы и консерваторы, въ сущности въ одинаковой мѣрѣ Западники, то есть люди переносящіе на Русскую почву западноевропейскія понятія о консерватизмѣ и либерализмѣ. Поэтому они и не могутъ иначе относиться къ славянофильству, которое конечно не подходитъ ни подъ одну изъ двухъ ходячихъ мѣрокъ; ибо сущность его заключается не въ той или иной политической доктринѣ, а въ признаніи за Русскимъ народомъ, какъ выразителемъ цѣлаго Православно-Славянскаго міра, своихъ исконныхъ началъ, отличныхъ отъ началъ западныхъ и часто даже имъ противоположныхъ. Поэтому консерваторы и либералы, хотя и враждуютъ, но понимаютъ другъ друга; Славянофиловъ же ни тѣ, ни другіе никогда не понимали вполнѣ, такъ какъ судили о нихъ по признакамъ чисто-внѣшнимъ, а не по основнымъ началамъ ихъ воззрѣній, которыхъ не могли или не хотѣли разглядѣть. Проверить это легко хотя бы уже на томъ, что по однимъ общественнымъ вопросамъ Славянофиловъ причисляли къ лагерю консервативному, по другимъ—къ либеральному. Пусть такое причисленіе было чисто-внѣшнее, случайное, несогласное со смысломъ дѣятельности отдѣльныхъ Славянофиловъ въ томъ или другомъ дѣлѣ: оно все же бывало, а толпа и не судить ни о чемъ иначе какъ по внѣшности. И такое недоразумѣніе продолжалось не годъ, не два, а цѣлыхъ пятьдесятъ лѣтъ.

Но всякому недоразумѣнію когда нибудь приходитъ конецъ. Настала пора опредѣлить мѣсто славянофильства въ исторіи развитія Русскаго просвѣщенія и, свѣдя итогъ оставленному имъ наслѣдству, сличить это наслѣдство съ тѣмъ, что теперь иногда выдается за Славянофильское ученіе или что порицается какъ таковое. Попытки такой критической работы начинаютъ появляться въ литературѣ обоихъ лагерей.

Составитель предлагаемой книги далеко отъ мысли дать точный и окончательный отвѣтъ на столь широко поставленный вопросъ: онъ даетъ лишь свой опытъ его посильнаго рѣшенія извѣстнымъ способомъ и въ извѣстныхъ границахъ. Книга эта—не исторія славянофильства и не изложеніе Славянофильскаго ученія: это біографія Хомякова и изложеніе его сочиненій. Характеристики и изложеніе воззрѣній близкихъ къ Хомякову людей введены въ нее лишь постольку, поскольку связь съ ними служить къ уясненію его личности и ученія. Сообразно со своею задачею, книга раздѣлена на двѣ части: въ первой разсказана жизнь Хомякова, во второй изложено его ученіе. Въ заключеніи авторъ излагаетъ свои личные взгляды на значеніе Хомякова и его дѣла. Цѣль такого дѣленія слѣдующая. Никакое мнѣніе не обезпечено отъ ошибокъ, тѣмъ менѣе мнѣніе ученика (ибо біографъ и не думаетъ скры-

вать такого своего отношенія къ мыслителю, коего ученіе онъ излагаетъ). Поэтому онъ не рѣшается назвать свое изслѣдованіе критикою. Но и вѣрное само въ себѣ мнѣніе можетъ возбудить споръ; а такъ какъ главнѣйшая цѣль нашего труда—*изображеніе*, а не *истолкованіе*, то мы и желали бы поставить самое это изображеніе внѣ спора, не примѣшивая къ нему нашихъ личныхъ мнѣній. Иначе: мы хотимъ изобразить Хомякова такимъ, каковъ онъ есть, а не такимъ, какимъ онъ, можетъ быть, кажется намъ. Конечно, никакой изслѣдователь не можетъ вполне отрѣшиться отъ собственной личности; но онъ обязанъ сдѣлать это по мѣрѣ силъ. Вотъ почему мы и отдѣлили, поскольку это было возможно, объективную часть нашего труда отъ субъективной.

Предлагая разсказъ о жизни Хомякова и изложеніе его сочиненій, мы на основаніи того и другаго излагаемъ затѣмъ нашъ взглядъ на него, какъ всякій другой, предоставляя читателю провѣрить этотъ взглядъ или составить свой собственный. Кто-то изъ западническаго лагеря сказалъ разъ автору: „Настоящій Хомяковъ утраченъ, есть теперь Хомяковъ Аксаковский, Самаринскій, Юрьевскій, Кошелевскій. Какой изъ нихъ ближе къ подлиннику, мы не знаемъ, а потому и судить о подлинномъ не беремся.“ Въ этомъ замѣчаніи, конечно, много преувеличенія, но есть и доля правды. Цѣль настоящаго труда возстановить, по возможности образъ подлиннаго Хомякова.

Цѣль эта—не полемическая. Невозможность мѣстами вполне избѣжать полемическаго оттѣнка была очень тяжела для автора, и онъ приложилъ всѣ свои старанія къ тому, чтобы уменьшить въ своемъ сочиненіи элементъ личнаго спора. Споръ противоположныхъ направленій мысли ведетъ къ выясненію истины; споръ личныхъ самолюбіи и счетовъ только затемняетъ ее. Спокойно и твердо высказанное мнѣніе не должно быть принимаемо за вызовъ. Одинъ вызовъ желателенъ во имя истины: вызовъ на разясненіе всего неяснаго, на дружную, совмѣстную работу мысли и слова.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ЖИЗНЬ А. С. ХОМЯКОВА.

I.

Происхождение, дѣтство и первая молодость.

Въ половинѣ XVIII вѣка жилъ подѣ Тулою помѣщикъ Кириллъ Ивановичъ Хомяковъ. Схоронивъ жену и единственную дочь, онъ подѣ старость остался одинокимъ владѣльцемъ большаго состоянія: кромѣ села Боучарова съ деревнями въ Тульскомъ уѣздѣ были у Кирилла Ивановича еще имѣнія въ Рязанской губерніи и домъ въ Петербургѣ. Все это родовое богатство должно было послѣ него пойти невѣдомо куда; и вотъ старикъ сталъ думать, кого бы наградить имъ. Не хотѣлось ему, чтобы вотчины его вышли изъ Хомяковского рода; не хотѣлось и крестьянъ своихъ оставить во власть плохого человѣка. И собралъ Кириллъ Ивановичъ въ Боучаровѣ мѣрскую сходку и отдалъ крестьянамъ на ихъ волю—выбрать себѣ помѣщика, какого хотятъ, только бы былъ онъ изъ рода Хомяковыхъ, а кого изберетъ мѣръ, тому онъ обѣщалъ отказать по себѣ всѣ деревни. И вотъ крестьяне послали ходаковъ по ближнимъ и дальнимъ мѣстамъ, на какія указалъ имъ Кириллъ Ивановичъ—искать достойнаго Хомякова. Когда вернулись ходаки, то опять собралась сходка, и общимъ совѣтомъ выбрали двоюроднаго племянника своего барина, молодого сержанта гвардіи Ѳедора Степановича Хомякова, человѣка очень небогатаго. Кириллъ Ивановичъ пригласилъ его къ себѣ и, узнавъ поближе, увидалъ, что правъ былъ мѣрской выборъ, что нареченный наследникъ его добрый и разумный человѣкъ. Тогда старикъ завѣщалъ ему все имѣніе и скоро рѣ скончался, вполне спокойнымъ, что крестьяне его остаются въ вѣрныхъ рукахъ. Такъ скромный молодой помѣщикъ сталъ владѣльцемъ большаго состоянія. Скоро молва о его домовитости и о порядкѣ, въ который привелъ онъ свои имѣнія, распространилась по всей губерніи. Стали рассказывать, что въ кладовыхъ у него хранятся цѣлые сундуки съ серебромъ и золотомъ. Когда въ 1787 году императрица Ека-

терина проѣзжала черезъ Тулу и совѣтовала дворянству открыть банкъ, то дворяне отвѣчали ей: «Намъ не нужно, матушка, банка; у насъ есть Ѳеодоръ Степановичъ Хомяковъ. Онъ даетъ намъ денегъ въ заемъ, отбираетъ къ себѣ во временное владѣніе разстроенныя имѣнія, устраиваетъ ихъ и потомъ возвращаетъ назадъ».

Таковъ былъ излюбленный крестьянами Боучаровскій владѣлецъ.

Сохраненное и увеличенное Ѳеодоромъ Степановичемъ состояніе досталось его единственному сыну Александру, женатому на Настасѣ Ивановнѣ Грибоѣдовой *). Сынъ не походилъ на отца. Разгульный, необузданный въ своихъ увлеченіяхъ, не имѣя нужды стѣснять себя въ чемъ бы то ни было, онъ весь отдался страсти къ пирамъ и охотѣ. Каждую осень около 1-го Сентября выѣзжалъ онъ изъ Боучарова и проводилъ въ отъѣздѣмъ полъ дѣльный мѣсяцъ, кончая походъ Смоленскимъ своимъ имѣніемъ Липицами, полученнымъ имъ въ приданое за женою. Слѣдствіемъ такой жизни было то, что сынъ его Степанъ унаслѣдовалъ разстроенныя дѣла и долги.

Степанъ Александровичъ Хомяковъ былъ человѣкъ очень добрый, образованный и принимавшій живое участіе въ литературной и умственной жизни своего времени, но не только не дѣловитый, а и безпорядочный по природѣ, въ добавокъ страстный игрокъ. Выйдя въ отставку поручикомъ гвардіи, онъ женился на Марѣ Алексѣевнѣ Киреевской, небогатой и немолодой уже, но еще очень красивой дѣвушкѣ. Живя въ Москвѣ, онъ проигралъ въ Англійскомъ клубѣ болѣе милліона, чѣмъ окончательно запуталъ и безъ того уже плохія дѣла свои. Тогда Марья Алексѣевна сама взялась за хозяйство и, благодаря своей рѣдкой настойчивости, успѣла заплатить долги мужа. Чтобы сохранить дѣтямъ состояніе, она, съ согласія Степана Александровича, перевела всѣ имѣнія на свое имя.

Съ тѣхъ поръ мужъ и жена жили врозь, выдаясь изрѣдка: Марья Алексѣевна съ дѣтьми въ Боучаровѣ и въ Москвѣ, а Степанъ Александровичъ въ Липицахъ. Когда онъ заболѣлъ и послѣ нѣсколькихъ нервныхъ ударовъ впалъ въ дѣтство, Марья Алексѣевна перевезла его къ себѣ и заботливо за нимъ ходила. Вообще это была женщина замѣчательная, соединявшая чуткое сердце съ непреклонностью убѣжденій и воли, доходившею до суровости и выражавшеюся подчасъ въ очень рѣзкихъ поступкахъ. Вотъ что писалъ о ней, много лѣтъ спустя, ея сынъ, лучше всѣхъ ее знавшій: «Она была хорошій и благород-

*) Родство ея съ А. С. Грибоѣдовымъ въ точности неизвѣстно.

ный образчикъ вѣка, который еще не вполне оцѣненъ во всей его оригинальности, вѣка Екатерининскаго. Всѣ (лучше, разумеется) представители этого времени какъ-то похожи на Суворовскихъ солдатъ. Что-то въ нихъ свидѣтельствовало о силѣ неистасканной, неподдавленной и самоувѣренной. Была какая-та привычка къ широкимъ горизонтамъ мысли, рѣдкая въ людяхъ времени позднѣйшаго. Матушка имѣла широкость нравственную и силу убѣжденій духовныхъ, которыя, конечно, не совсѣмъ принадлежали тому вѣку; но она имѣла отличительныя черты его, вѣру въ Россію и любовь къ ней. Для нея общее дѣло было всегда и частнымъ ея дѣломъ *). Она болѣла, и сердилась, и радовалась за Россію гораздо болѣе, чѣмъ за себя и своихъ близкихъ».

Степанъ Александровичъ и Марья Александровна жили въ Москвѣ на Ордынкѣ, въ приходѣ Георгія на Вспольѣ. Здѣсь 1 Мая 1804 года родился у нихъ второй сынъ Алексѣй. Кромѣ него, дѣтей было еще двое: старшій на два года сынъ Ѳедоръ и дочь Анна. Позднѣе Хомяковы переехали въ домъ свой на Петровку, противъ Кузнечкаго моста, а гдѣ проводили иногда въ Липицахъ, но большею частью въ Боучаровѣ. Отсюда, во время нашествія Наполеона, Степанъ Александровичъ съ семьей уѣхалъ въ свое Рязанское имѣніе, село Круглое, Дюковскаго уѣзда, гдѣ они и прожили зиму 1812—13 гг., въ сосѣдствѣ близкой своей знакомой Прасковьи Михайловны Толстой, дочери Кутузова, отъ которой могли имѣть точныя свѣдѣнія о ходѣ военныхъ дѣйствій. Въ память благополучнаго избавленія отъ врага Марья Алексѣевна дала обѣтъ построить въ Кругломъ церковь; обѣтъ этотъ былъ впоследствии исполненъ ея сыномъ.

Переездъ въ Донковъ и пребываніе тамъ были первыми крупными событіями въ жизни восьмилѣтняго Алексѣя. Хотя онъ своимъ младенческимъ умомъ и не могъ еще объять всего великаго смысла переживаемой имъ поры, но, развитый не по годамъ, уже долженъ былъ чутъ его, а почва для такого чутья въ его душѣ была готова. Дѣти Хомякова росли не такъ какъ большинство дѣтей тогдашняго зажиточнаго дворянства: вмѣсто отчужденія отъ Русской жизни и всего болѣе отъ Русской старины, они на каждомъ шагу могли видѣть живые слѣды ея и свѣжія преданія. Боучаровскій домъ былъ полонъ этою стариною. Историческія воспоминанія восходили въ немъ не только до

*) Слова эти представляютъ почти дословный переводъ Англійской пословицы: „The public business of England is the private business of every Englishman.“ Здѣсь, какъ и вездѣ, сказалось сочувствіе Хомякова съ Англійскою народною мыслью.

Петровскаго времени, но и переходили черезъ глубокий ровъ, прорытый этимъ временемъ въ памяти Русскаго общества. Мальчикъ зналъ, что его предокъ Петръ Семеновичъ Хомяковъ былъ любимымъ подскольничимъ Алексѣя Михайловича, и могъ видѣть письма къ нему тишайшаго царя, сохранившіяся въ ихъ домѣ. Зналъ онъ и еще, пожалуй, слышалъ отъ очевидцевъ чудный разсказъ о томъ, какъ его прадѣдъ, подобно другому, всенародному избраннику, былъ избранъ народомъ и издалека призванъ владѣть Боучаровымъ, и, конечно, представленіе о сельскомъ мірѣ, о важности мірскаго приговора не могло не сложиться въ его головѣ опредѣленнѣе и строже, чѣмъ у всякаго другаго изъ его сверстниковъ. Та близость къ народу, которую онъ съ дѣтства привыкъ въ себѣ чувствовать, поддерживалась и укрѣплялась самою крѣпкою изъ связей—связью вѣры и церковнаго общенія. Въ домѣ Хомяковыхъ, подъ непосредственнымъ воздѣйствіемъ Марьи Алексѣевны, жизнь шла въ чисто-православномъ духѣ, со строгимъ соблюденіемъ всѣхъ постовъ, обрядовъ и обычаевъ церковныхъ, что опять таки встрѣчалось нечасто въ тогдашнемъ верхнемъ словѣ Русскаго общества, пропитанномъ всевозможными западными ученіями: и масонствомъ, и деизмомъ и атеизмомъ, всѣмъ, но только не православною вѣрою. Проводя большую часть своей дѣтской жизни среди Московскихъ святынь, мальчикъ не могъ не проникнуться настоящимъ старорусскимъ духомъ, и когда изъ своего Рязанскаго убѣжища онъ услышалъ, что Москва, которую онъ такъ любилъ съ тѣхъ поръ, какъ себя помнилъ, принесена въ жертву за спасеніе Россіи, могъ ли ребенокъ Хомяковъ если не умомъ, то живымъ пониманіемъ сердца не уразумѣть того, что творилось вокругъ него?

Такъ всѣ тѣ понятія, которыя ему суждено было, возмужавъ, выразить въ строгой послѣдовательности научнаго изслѣдованія и могучимъ взмахомъ творческой мысли объединить въ одно стройное ученіе, всѣ они живыми образами уже стояли надъ его колыбелью. Подъ воздѣйствіемъ исключительныхъ условій мѣста и времени зарождался будущій мыслитель, а широкое приволье Боучарова и въ особенности Липицъ, съ близостью къ природѣ, съ знаменитою дѣдовскою и отцовскою охотою, воспитывало поэта. Между тѣмъ обращено было заботливое вниманіе и на ученіе, и прежде всего на языки, при томъ не на одинъ только Французскій, но и на Нѣмецкій, Англійскій и Латинскій. Послѣднему училъ братьевъ Хомяковыхъ жившій при нихъ аббатъ Воіvin. Разъ маленькому Алексѣю попалась въ какой-то книгѣ папская булла. Онъ нашелъ въ ней опечатку и спросилъ аббата, какъ же онъ считаетъ непогрѣшимымъ папу, дѣлающаго ошибки въ

правописаніи, за что и былъ наказанъ. Этотъ случай наводитъ на мысль, что въ разговорахъ между ученымъ аббатомъ и его воспитанникомъ затрогивались богословскіе вопросы, и что эти разговоры и послужили первымъ толчкомъ, направившимъ умъ будущаго богослова на различіе исповѣданій. Что касается порученнаго аббату прямого дѣла—преподаванія Латинскаго языка, то онъ выполнилъ его добросовѣстно, и мальчикъ основательно усвоилъ себѣ этотъ языкъ. Языкъ Греческій онъ въ началѣ зналъ плохо и утвердился въ немъ лишь впоследствии, а также познакомился съ Санскритскимъ. Новые же языки Хомяковъ зналъ въ совершенствѣ.

Въ началѣ 1815 года вся семья Степана Александровича поѣхали изъ Липицъ въ Петербургъ, потому что Московскій домъ сгорѣлъ. По дорогѣ мальчикъ всюду видѣлъ лубочные портреты Георгія Чернаго, и въ его пылкомъ воображеніи вѣзались образъ Сербскаго героя и рассказы о немъ. Въ тоже время онъ и братъ его мечтали, что они ѣдутъ воевать съ Наполеономъ. Поэтому, когда они услышали о битвѣ при Ватерлоо, то Ѳедоръ Хомяковъ спросилъ брата: « Съ кѣмъ же мы теперь будемъ драться? » — « Стану бунтовать Славянъ », отвѣчалъ одиннадцатилѣтній Алексѣй. Петербургъ показался имъ какимъ-то языческимъ городомъ, и они ждали, что ихъ будутъ принуждать перемѣнить вѣру; но они твердо рѣшились вытерпѣть всякія мученія, а не принимать чужаго закона. Нельзя не обратить вниманія на всѣ эти мелкія черты въ жизни ребенка: ими въ значительной мѣрѣ объясняется послѣдующее направленіе его мыслей.

Въ Петербургѣ Хомяковы прожили около двухъ лѣтъ. Тамъ имъ преподавалъ Русскую словесность драматическій писатель Андрей Андреевичъ Жандръ, другъ Грибоѣдова. Взгляды послѣдняго, въ то время новые и вполне самостоятельные, этимъ путемъ дошли до нихъ и конечно не остались безъ послѣдствій. Вчитываясь въ монологи Чацкаго и вспоминая то господствующее направленіе общества, которое эти монологи обличаютъ, мы невольно увидимъ нѣкоторую связь между протестомъ, выразившимся въ «Горѣ отъ ума», и позднѣйшимъ Московскимъ направленіемъ, котораго провозвѣстникомъ явился Хомяковъ; а если прибавимъ къ этому, что Грибоѣдовъ относился съ нѣкоторымъ сомнѣніемъ къ преобразованіямъ Петра Великаго, то связь эта окажется еще тѣснѣе.

Послѣ Петербурга Хомяковы три года жили по зимамъ въ Москвѣ, при чемъ оба брата оканчивали свое ученіе, занимаясь вмѣстѣ съ Дмитріемъ и Алексѣемъ Веневитиновыми подъ руководствомъ жив-

шаго въ ихъ домѣ доктора философіи Андрея Гавриловича Глаголева. Математику преподавалъ имъ профессоръ университета и другъ С. Т. Аксакова Павелъ Степановичъ Щепкинъ, а чтеніе доставляла богатая библіотека Степана Александровича.

Между братьями Веневитиновыми и Хомяковыми установилась на всю жизнь самая тѣсная дружба. На сколько успѣшно шло ученье, можно судить по тому, что пятнадцатилѣтній Алексѣй Хомяковъ перевелъ Тацитову «Германію», и что переводъ этотъ черезъ два года былъ напечатанъ въ «Трудахъ Общества Любителей Россійской Словесности». Выборъ предмета указываетъ отчасти на направленіе вкусовъ переводчика. Подобное же направленіе можно подмѣтить и въ его первыхъ стихотворныхъ опытахъ. Началъ онъ, повидимому, и тутъ съ переводовъ изъ Virgilіа и Horatіа. Оду послѣдняго «*Parvus deorum cultor et infrequens*», въ которой прославляется божественное всемогущество, онъ перевелъ два раза, двумя разными размѣрами.

Первыя самостоятельныя произведенія Хомякова ничѣмъ не отличаются отъ заурядныхъ стихотвореній другихъ современныхъ ему поэтовъ. Въ баснѣ «Совѣтъ звѣрей» есть намекъ на вопросъ о различіи религій, но юный поэтъ еще не приходитъ ни къ какому опредѣленному заключенію. Около этого времени Хомяковъ началъ писать трагедію «Идоменей», которую довелъ только до второго дѣйствія. Немного спустя, онъ выдержалъ въ Московскомъ Университетѣ экзаменъ на степень кандидата математическихъ наукъ.

Въ это самое время въ Греціи шла борьба за независимость. Хомяковы еще по Петербургу имѣли связи съ графомъ Каподистріей, въ Москвѣ же у нихъ часто бывалъ агентъ Филелленовъ Арбѣ, бывший ранѣе гувернеромъ Оедора и Алексѣя. Разсказы Арбѣ воспламенили его младшаго воспитанника, и тотъ рѣшился бѣжать, чтобы сражаться за Грековъ и подымать Славянъ. Доставъ себѣ съ помощью Арбѣ фальшивый паспортъ, купивъ засапожный ножъ и собравъ рублей пятьдесятъ денегъ, онъ поздно вечеромъ, въ ваточной шинели, ушелъ изъ дому. Но ему не удалось обмануть бдительность своего дядьки Артемія, уже давно за нимъ наблюдавшаго. Продавъ возвращенія Алексѣя Степановича до полночи и не дождавшись его, старикъ послалъ за бариномъ въ Англійскій клубъ. Степанъ Александровичъ тотчасъ пріѣхалъ домой и, добившись правды отъ своего старшаго сына, разослалъ погоню во всѣ стороны. За Серпуховскою заставою бѣглеца настигли и привезли домой. Отецъ не наказалъ его, и только старшій братъ получилъ строгій выговоръ за то, что не остановилъ младшаго;

воинственнымъ же наклонностямъ юнаго кандидата постарались дать болѣе безопасное направленіе, опредѣливъ его вскорѣ въ военную службу, въ кирасирскій полкъ, которымъ командовалъ Дмитрій Ерошеевичъ Остенъ-Сакенъ. Черезъ годъ молодой Хомяковъ перешелъ оттуда въ Конную Гвардію. Воспоминаніемъ о неудавшемся бѣгствѣ въ Грецію осталось «Посланіе къ Веневитиновымъ», въ которомъ поэтъ мечтаетъ о славныхъ подвигахъ, о войнѣ за вѣру и освобожденіе Эллады. Къ тому же времени относится неоконченная поэма «Вадимъ», воспѣвающая столько разъ воспѣтаго поэтами того времени полуисторическаго Новгородскаго героя.

Первыми друзьями молодости Алексѣя Степановича, кромѣ брата его Ѳедора и Веневитиновыхъ, были: двоюродный его братъ, племянникъ Марьи Алексѣевны, Василій Степановъ Киреевскій, Александръ Алексѣевичъ Мухановъ, а затѣмъ товарищи Веневитиновыхъ по службѣ въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ: Иванъ Васильевичъ Киреевскій и Александръ Ивановичъ Кошелевъ. Блестящій, высокодаровитый и не по лѣтамъ серьезный Дмитрій Веневитиновъ, общавшійся въ первомъ ряду умственныхъ дѣятелей своего времени, былъ средоточіемъ этого дружнаго кружка, составившагося изъ лучшихъ представителей тогдашней образованной Московской молодежи. Всѣ они были усердными послѣдователями Нѣмецкой философіи и сторонниками западнаго просвѣщенія; но Хомяковъ не уступалъ имъ своего строго-православнаго и Русскаго образа мыслей. Въ томъ отношеніи онъ сразу сошелся съ младшимъ братомъ Киреевскаго, Петромъ Васильевичемъ, съ которымъ познакомился немного позже и котораго горячо полюбилъ. Необыкновенная чистота души П. В. Киреевскаго и его непоколебимая преданность самобытному развитію Русскаго народа не могли не привлечь Хомякова, который прозвалъ его «великимъ печальникомъ за Русскую землю».

Скоро Алексѣю Степановичу пришлось столкнуться съ совершенно другими ученіями и испытать себя на иномъ поприщѣ спора.

II.

Служба въ Петербургѣ.—Встрѣчи съ декабристами.—Поездка за границу.—Трагедія „Ермакъ“.—Возвращеніе въ Россію.

Переселеніе Хомякова въ Петербургъ совпало съ разгаромъ броженія умовъ, приведшаго къ событію 14 Декабря 1825 года. Но убѣжденія и общественные идеалы молодого корнета гвардіи, вынесенные имъ изъ дому и изъ многостороннаго образованія, установленные работою рано окрѣпшаго ума, были настолько опредѣленны, что онъ сразу нашелся среди тѣхъ теоретическихъ и практическихъ противорѣчій, изъ которыхъ не сумѣли выйти многіе изъ его сверстниковъ. Встрѣчаясь съ декабристами у своихъ родственниковъ Мухановыхъ, онъ вступалъ съ ними въ горячіе споры, утверждая, что изъ всѣхъ революцій самая несправедливая есть революція военная. Разъ онъ до поздней ночи проспорилъ съ Рылѣвымъ, доказывая ему, что войска, вооруженныя народомъ для его защиты, не имѣютъ права распоряжаться судьбами народа по своему произволу. Князя А. И. Одоевскаго онъ увѣрялъ, что онъ, Одоевскій, вовсе не либераль, а только предпочитаетъ единодержавію тиранство вооруженнаго меньшинства. Но такіе взгляды слишкомъ далеки были отъ того, что думалось и говорилось кругомъ, чтобы найти себѣ отзвукъ или сочувствіе; да и высказывавшему ихъ двадцатилѣтнему юношѣ еще много нужно было пережить и передумать, прежде чѣмъ выступить съ болѣе твердою и опредѣленною проповѣдью народности. Въ немъ самомъ еще кипѣли и страсти, и разнородныя жизненныя стремленія, и сомнѣнія въ силѣ и смыслѣ своего призванія. Это смутное бorenіе самоопредѣляющагося сильнаго ума вылилось въ стихотвореніи «Желаніе покоя», написанномъ имъ въ 1824 году въ Петербургѣ,—первомъ его произведеніи, имѣющемъ самостоятельное художественное значеніе. Среди неровностей слога и юношескихъ длиннотъ въ этомъ стихотвореніи уже слышится порою будущій Хомяковъ; поэтому мы приводимъ его вполнѣ.

Налей, налей въ бокаль кипящее вино!
 Какъ тихій токъ воды забвенья,
 Моей души жестокия мученья
 На время утолить оно.
 Пойдемъ туда, гдѣ дышетъ радость,
 Гдѣ бурный вихрь забавъ шумитъ,
 Гдѣ гласъ души, гдѣ гласъ страстей молчитъ,
 Гдѣ не живутъ, но тратятъ жизнь и младость.
 Среди веселыхъ игръ, за радостнымъ столомъ,
 На мигъ упившись счастьемъ ложнымъ,

Я приучусь къ мечтамъ ничтожнымъ,
 Съ судьбою примирюсь виномъ.
 Я сердца усмирю роптанье,
 Я думаю не веляю летать,
 На тихое небесъ сіянье
 Я не веляю глазамъ своимъ взирать.
 Сей синій сводъ, устланный звѣздами,
 И тихая безмолвной ночи тѣнь,
 И въ утреннихъ вратахъ рождающійся день,
 И царь свѣтилъ, парящій надъ водами—
 Они изысканья! Они, прельщая взоръ,
 Пробуждаютъ вновь всѣ сны воображенья;
 И сердце робкое, просящее забвенья,
 Прочтетъ въ нихъ пламенный укоръ.

*

Оставь меня, покоя врагъ угрюмый,
 Къ высокому, къ прекрасному любви!
 Ты слишкомъ долго тщетной думой
 Младую волновала кровь.
 Оставь меня! Волшебными словами
 Ты сладкій ядъ во грудь мою влила
 И вслѣдъ за свѣтлыми мечтами
 Мена отъ міра увлекла.
 Довольный свѣтомъ и судьбою,
 И могъ бы жизненной стезей
 Влачиться къ цѣли роковой
 Съ непробужденною душою.
 Я могъ бы радости съ толпою раздѣлять,
 Я могъ бы рвать земныя розы,
 Я могъ бы лить земныя слезы
 И счастьемъ въ жизни довѣрять...

*

Но ты пришла. Съ улыбкою презрѣнья
 На смертныхъ родъ взидала ты,
 На ихъ желанья, наслажденья,
 На ихъ безсильные труды.
 Ты мнѣ съ восторгомъ, другъ коварный,
 Являла новый міръ вдали
 И путь высокій, лучезарный
 Надъ смутнымъ сумракомъ земли.
 Тамъ все прекрасное, чѣмъ сердце восхищалось,
 Тамъ все высокое, чѣмъ духъ питался мой,
 Въ вѣнцахъ безсмертія являлось
 И въ садѣ манило за собой.

*

И ты звала. Ты сладко напѣвала
 О незабвенной старинѣ,
 Вѣнцы и славу обѣщала,
 Безсмертье обѣщала мнѣ.
 И я повѣрилъ. Обаянный

Волшебнымъ звукомъ словъ твоихъ,
 Я презрѣлъ Вакха даръ румяный
 И чашу радостей земныхъ.
 Но что-жь? Скажи: за всѣ отрады,
 Которыхъ я навѣкъ лишень,
 За жизнь спокойную, души безпечный сонъ,
 Какія ты дала награды?
 Мечты неясныя, внушенныя тоской,
 Твои слова, обѣты и обманы,
 И жажду счастья, и тягостныя раны
 Въ груди, растерзанной судьбой.
 Прости....

*

Но нѣтъ! Мой духъ пылаетъ
 Живымъ, негаснущимъ огнемъ,
 И никогда чело не просіяетъ
 Веселья мирнаго лучемъ.
 Нѣтъ, нѣтъ! Я не могу цѣпей слѣпой богини,
 Смиранный рабъ, съ улыбкою влечить.
 Орлу ль полетъ свой позабыть?
 Отдайте вновь ему широкія пустыни,
 Его скалы, его дремучій лѣсъ!
 Онъ жаждетъ брани и свободы,
 Онъ жаждетъ бурь и непогоды
 И безпредѣльности небесъ.
 Увы, напрасныя мечтанья!
 Возмите-жь отъ меня безплодный сердца жаръ,
 Мои мечты, надежды, воспоминанья,
 И къ славѣ страсть, и пѣснопѣнья даръ,
 И чувствъ возвышенныхъ стремленья.
 Возьмите все! Но дайте лишь покой,
 Безпечность прежнихъ словъ забвенья
 И тишину души, утраченную мной.

Настоящая борьба была впереди, а теперь нужно было собраться съ силами, привести въ порядокъ роившіяся въ головѣ мысли; нужно было на время уйти отъ шума и суеты столицы, отдохнуть и одуматься. Вѣроятно, по этимъ побужденіямъ, надѣясь многое повидать и многому научиться, да и побыть съ братомъ, служившимъ при посольствѣ въ Парижѣ, Хомяковъ просилъ у родителей позволенія выйти въ отставку и предпринять заграничное путешествіе. Степанъ Александровичъ, всегда болѣе податливый, тотчасъ на это согласился; но Марья Алексѣевна сначала возстала противъ затѣи сына, и только настоянія Ѳедора Степановича, любимца матери, убѣдили ее дать свое согласіе. Вотъ что писалъ ей Ѳедоръ Степановичъ 2 Февраля 1825 года изъ Парижа въ Вюрцбургъ, гдѣ Марья Алексѣевна въ то время находилась ради лѣченія дочери. «J'ai reçu une lettre de mon père du 17 Décembre; sa santé paraissait un peu rétablie. Il m'annonce avoir permis

à mon frère de quitter le service. Pour moi je pense qu'Alexis ne peut faire mieux que de profiter de cette permission et de partir pour l'étranger. La perte d'un an de service n'est rien du tout dans les circonstances actuelles: il faut penser à l'avenir, et tous les jours je me raffermis dans la conviction, qu'avec le caractère de mon frère, un voyage à l'étranger lui est absolument indispensable en ce moment. Ce sera d'ailleurs le meilleur moyen pour rétablir sa santé; et quant aux dépenses, elles ne s'élèveront pas au quart de ce que lui aurait coûté la remonte. Je désirerais fort pour moi, et encore plus pour lui, qu'il vînt passer six à sept mois ici. Il végète à Petersbourg. L'indolence, l'apathie de son caractère y rend inutile l'activité de son esprit; à Paris tout l'exciterait. Je vous écrirai incessamment sur ce même sujet, mais plus au long, et j'espère alors vous convaincre entièrement *)

Получивъ согласіе матери, Хомяковъ тотчасъ вышелъ въ отставку и уѣхалъ за границу, гдѣ провелъ около полутора года, съ начала 1825 до конца 1826. Брата онъ уже не засталъ въ Парижѣ, такъ какъ Ѳеодоръ Степановичъ былъ тѣмъ временемъ переведенъ на службу въ Петербургъ.

Въ Парижѣ Хомяковъ занимался живописью въ академіи. Разъ, когда ему долго не присылали денегъ, онъ взялъ заказъ на запрестольный образъ для Католическаго храма, но работа эта была ему настолько не по душѣ, что онъ, какъ только получилъ деньги изъ дому, тотчасъ ее бросилъ. Вообще онъ и въ Парижѣ сохранилъ свое Православное настроеніе и такъ строго соблюдалъ церковные обряды, что во весь Великій Постъ сѣумѣлъ ни разу не оскоромяться.

Въ это время писалъ онъ свою трагедію «Ермакъ», о которой Пушкинъ далъ такой отзывъ: «Ермакъ—лирическое произведеніе пыл-

*) *Переводъ.* Я получилъ письмо отъ батюшки отъ 17 Декабря. Здоровье его, повиди кому, немного поправилось. Онъ извѣщаетъ меня, что позволилъ брату выйти въ отставку. Что касается до меня, то я думаю, что Алексѣй лучше всего сдѣлаетъ, если воспользуется этимъ позволеніемъ и уѣдетъ за границу. Потеря одного года службы не значитъ ничего при теперешнихъ обстоятельствахъ: нужно думать о будущемъ; а я съ каждымъ днемъ все болѣе убѣждаюсь, что при характерѣ брата заграничное путешествіе ему теперь безусловно необходимо. Къ тому же оно будетъ лучшимъ средствомъ поправить его здоровье. Что до расходовъ, то они не составятъ и четвертой доли расходовъ по ремонту. Я бы очень желалъ для себя, и еще болѣе для него, чтобы онъ пріѣхалъ сюда мѣсяцевъ на шесть или на семь. Онъ прозябаетъ въ Петербургѣ. Отъ бездѣльности и апатіи его характера пропадаетъ безъ пользы дѣятельность его ума, а въ Парижѣ все бы его возбуждало. Я вкорѣ буду писать вамъ объ этомъ, по подробнѣе, и тогда надѣюсь убѣдить весь совершенно.

каго юношескаго вдохновенія, не есть произведеніе драматическое. Въ немъ все чуждо нашимъ нравамъ и духу, все, даже самая очаровательная прелесть поэзіи *)).

Внѣшняя форма, такъ сказать, бытовая оболочка трагедіи очень далека отъ бытовой исторической дѣйствительности; но за этою внѣшностью, хоть и не вполне еще ясно, уже слышатся народные, общественные и человѣческіе идеалы автора. Отошедшій въ исторію, какъ самостоятельное драматическое произведеніе, «Ермакъ» важенъ для насъ въ связи съ послѣдующимъ развитіемъ мысли Хомякова. Онъ былъ поставленъ въ Петербургѣ въ 1829 году, а напечатанъ черезъ три года. Во время заграничной поѣздки Хомякова въ журналахъ начали появляться его мелкія стихотворенія.

Изъ Парижа, окончивъ «Ермака» и посмотрѣвшись на знаменитаго трагика Тальмю, Алексѣй Степановичъ поѣхалъ въ Швейцарію, оттуда въ сѣверную Италію и черезъ земли Западныхъ Славянъ вернулся въ Россію. Отъ этой первой заграничной его поѣздки осталась черновая рукопись небольшой статьи о зодчествѣ, въ которой онъ, по поводу описанія Миланскаго собора, задаетъ себѣ вопросъ о происхожденіи этого искусства и приходитъ къ заключенію, что первоначальнымъ источникомъ зодчества была религія, и что начала его нужно искать не у подражательныхъ Римлянъ, а у народовъ Востока, въ Египтѣ и въ Индіи. Такимъ образомъ уже въ эту раннюю пору жизни взоры Хомякова обращались къ древнему Востоку. Воспоминаніемъ о сѣверной Италіи навѣяно стихотвореніе «Isola bella».

Алексѣй Степановичъ, вернувшись въ концѣ 1826 года изъ границы, заѣхалъ прежде всего въ Липицы къ отцу, который всегда былъ къ нему очень нѣженъ и особенно волновался его литературными успѣхами. Оттуда онъ поѣхалъ въ Боугарово съ намѣреніемъ помогать матери въ веденіи хозяйства. Но ладить съ Марьей Алексѣевной было не легко, а Алексѣй Степановичъ былъ тогда еще слишкомъ молодъ, чтобы умѣть быть покорнымъ сыномъ во всѣхъ мелочахъ жизни, въ чемъ онъ совершенно успѣлъ впоследствии. Совмѣстное ихъ хозяйство не пошло, и Хомяковъ мѣсяца черезъ два уѣхалъ въ Петербургъ къ брату. Здѣсь ждало его первое въ жизни тяжелое горе: въ Мартѣ 1827 года смерть въ нѣсколько дней унесла Дмитрія Веневитинова. Хомяковъ потерялъ въ немъ любимаго друга, а Россія, быть можетъ, одного изъ сильнѣйшихъ своихъ поэтовъ. Изъ

*) О лирическихъ стихотвореніяхъ Хомякова Пушкинъ съ похвалою отзывался въ предисловіи къ „Путешествію въ Арзрумъ“.

данная послѣ его смерти маленькая книжечка стиховъ полна исрами такого огня, какимъ горять юношескія произведенія лишь очень немногихъ избранниковъ

Бѣда не пришла одна: въ томъ же году Алексѣй Степановичъ схоронилъ другаго нѣжно любимаго товарища: своего двоюроднаго брата Василя Киреевскаго. Это двойное горе, а также и два года, проведенные въ чужихъ краяхъ, при постоянныхъ занятіяхъ искусствомъ, не остались безъ слѣда въ настроеніи молодого поэта. Его стихотворенія 1827—1828 годовъ звучать несравненно бѣльшею глубиною художественнаго замысла и зрѣлостью мысли. Таково, напри- мѣръ, стихотвореніе «Молодость».

Небо, дай мнѣ длани
Мощнаго Титана!
Я схвачу природу
Въ пламенныхъ объятыхъ;
Я прижму природу
Къ трепетному сердцу,
И она желанью
Сердца отзовется
Юною любовью.
Въ ней все дышетъ страстью,
Все кипитъ и блещетъ,
И ничто не дремлетъ
Хладною дремотой.

*

На землѣ пылаютъ
Грозные волканы;
Съ шумомъ льются рѣки
Къ безднамъ океана;
И въ лазурномъ спорѣ
Волны рѣзво плещутъ
Бурною игрою.

*

И земля, и море
Свѣтлыми мечтами,
Радостью, надеждой,
Славой и красою
Смертнаго дарятъ.
Звѣзды въ синей тверди
Мчатся за звѣздами,
И въ потокахъ свѣта
Льется по вѣтру
Тайной страсти голосъ,
Тайное призванье.
И вѣка проходятъ,
И вѣка рождаются:
Вѣчное боренье,
Пламенная жизнь.

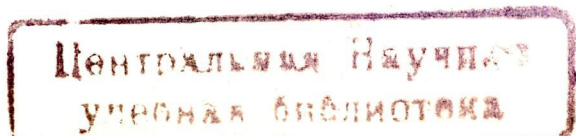
Небо, дай мнѣ длани
Мощнаго Титана!
Я хочу природу,
Какъ любовника страстный,
Радостно обнять.

Въ стихотвореніи «Поэтъ» является впервые та сила стиха, которую отличаются позднѣйшія произведенія Хомякова:

Онъ къ небу взоръ возвелъ спокойный,
И Богу гимнъ въ душѣ возникъ,
И далъ землѣ онъ голосъ стройный,
Творенью мертвому языкъ.

Въ это время Алексѣй Степановичъ много рисовалъ въ Эрмитажѣ и часто бывалъ у Мухановыхъ, у Е. А. Карамзиной и у князя В. О. Одоевскаго. Объ одномъ вечерѣ у послѣдняго А. И. Кошелевъ рассказываетъ такъ: «Проводили мы вечеръ у князя Одоевскаго, спорили втроемъ о конечности и безконечности міра, и незамѣтно бесѣда наша

продлилась до трехъ часовъ ночи. Тогда хозяинъ дома напомнилъ, что уже поздно, и что лучше продолжить споръ у него же на слѣдующій день. Мы встали, начали сходить съ лѣстницы, продолжая споръ; сѣли на дрожки и все таки его не прерывали. Я завезъ Хомякова на его квартиру; онъ слѣзъ, я оставался на дрожкахъ, а споръ шелъ своимъ чередомъ. Вдругъ какая-то Нѣмка, жившая надъ воротами, у которыхъ мы стали, открываетъ форточку въ своемъ окнѣ и довольно громко говорить: «Mein Gott und Herr, was ist denn das?» (Боже мой, Господи, да чтó же это такое?) Мы расхохотались, и тѣмъ окончился нашъ споръ».

III.

Вторичное поступленіе на службу.—Война 1828—1829 гг.—Москва.—Споры съ друзьями.—
Слѣды настроянія Хомякова въ его стихотвореніяхъ.

Когда началась война съ Турками, Ѳедоръ Степановичъ Хомяковъ былъ назначенъ отъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ состоять при Паскевичѣ на Кавказѣ (гдѣ онъ въ томъ же 1828 году и умеръ). Уѣзжая изъ Петербурга, онъ предложилъ брату поступить также на службу по дипломатической части при дѣйствующей арміи. Алексѣй Степановичъ сначала согласился, но потомъ перемѣнилъ намѣреніе и снова вступилъ въ военную службу, въ Бѣлорусскій гусарскій принца Оранскаго полкъ. Въ началѣ Мая онъ былъ уже на Дунаѣ, въ сопровожденіи своего стараго дядьки Артемія, нѣкогда помѣшавшаго ему бѣжать въ Грецію. Во все продолженіе войны Хомяковъ состоялъ адъютантомъ при генералѣ князѣ Мадатовѣ, участвовалъ во многихъ дѣлахъ и выказалъ блестящую храбрость. О Мадатовѣ Алексѣй Степановичъ сохранилъ благодарную память и впоследствии принималъ дѣятельное участіе въ составленіи біографіи князя, изданной служившими подъ его начальствомъ офицерами. Отъ этого времени сохранилось слѣдующее письмо Хомякова къ матери изъ подъ Шумлы: «Я получилъ ваше письмо и съ удивленіемъ вижу, что письма, писанныя мною къ вамъ и батюшкѣ еще изъ Россіи, именно изъ Кіева, на синей бумагѣ, за неимѣніемъ бѣлой, со вложенными двумя маленькими пѣснями, сочиненными на дорогѣ, (пропали)*). Я писалъ къ вамъ также на первой станціи за Дунаемъ, но отдалъ письмо на почтѣ подъ Силистріей. Туда отправился я съ главной квартирой, потомъ отдѣлился отъ нея, присоединился къ дивизіи и къ князю, который меня принималъ очень хорошо, былъ свидѣтелемъ славнаго дѣла 30-го Мая, гдѣ визиря такъ жестоко разбилъ нашъ главнокомандующій, и потомъ

*) Слово это пропущено въ письмѣ.

дѣйствующимъ лицомъ въ дѣлѣ 31-го, гдѣ дивизія надѣлала чудеса, поколотила Турокъ жестоко, гнала ихъ до Шумлы, взяла редуты (вещь неслыханная для кавалеріи) и знаменъ и пушекъ пропасть. Я былъ въ атакѣ, но хотя раза два замахнулся, но не рѣшился рубить бѣгущихъ, чему теперь очень радъ. Послѣ того подѣхалъ къ редуту, чтобы осмотрѣть его поближе. Тутъ подо мною была ранена моя бѣлая лошадь, о которой очень жалѣю. Пуля пролетѣла насквозь черезъ обѣ ноги; однакоже есть надежда, что она выздоровѣетъ. Прежде того она уже получила рану въ переднюю лопатку саблею, но эта рана совсѣмъ пустая. За то я былъ представленъ къ Владимиру, но по разнымъ обстоятельствамъ, не зависящимъ отъ князя Мадатова, получилъ только с. Анну съ бантомъ; впрочемъ и этимъ очень можно быть довольнымъ. Ловко я сюда пріѣхалъ, какъ разъ къ дѣламъ, изъ которыхъ одно жестоко наказало гордость Турокъ, а другое утѣшило нашу дивизію за все горе и труды прошлагодіе. Впрочемъ, я веселъ, здоровъ и очень доволенъ Пашкою».

Въ лагерѣ подъ Базарджикомъ 3 Іюля Хомяковъ написалъ стихотвореніе «Сонъ». Къ слѣдующему 1829 году относятся стихотворенія «Сонетъ», «Прощаніе съ Адріанополемъ» и «Клинокъ». И такъ вдохновеніе нечасто посѣщало его среди тревогъ боевой жизни; но за то всѣ три упомянутыхъ стихотворенія отличаются своею силою и законченностью формы.

Какъ только прекратились военныя дѣйствія, Алексѣй Степановичъ взялъ отпускъ и пріѣхалъ въ Москву, гдѣ въ эту зиму его часто видали на балахъ Благороднаго Собранія. Однако онъ не танцевалъ, хотя, по отзывамъ очевидцевъ, къ нему очень шелъ адъютантскій мундиръ, и дамы часто выбирали его на мазурку. Въ это время пришлось ему быть дѣйствующимъ лицомъ въ семейномъ торжествѣ. За нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ Марья Алексѣевна привезла съ Кавказа, куда ѣздила на воды, мальчика-Черкеса Лукмана. Онъ воспитывался въ ея домѣ и, когда подростъ, принялъ крещеніе 4 Февраля 1830 года съ именемъ Димитрія. Воспріемникомъ его былъ Алексѣй Степановичъ. Этотъ молодой человекъ, Дмитрій Степановичъ Кадзиковъ, вскорѣ поступилъ въ Московскій Университетъ и, пріѣзжая на лѣтнія вакаціи въ Боучарово, пользовался постоянною дружбою своего крестнаго отца, отдававшего ему значительную часть своего времени.

По заключеніи Адріанопольскаго мира, Хомяковъ вышелъ въ отставку и проводилъ лѣто въ Боучаровѣ, постоянно и много читая, занимаясь хозяйствомъ и охотясь, а зимою жилъ въ Москвѣ.

То было время, когда Русское образованное общество переживало одну изъ наиболѣ знаменательныхъ переходныхъ эпохъ своихъ. Еще недавно только миновало 14 Декабря 1825 года со своими послѣдствіями, и направленіе государственной политики вполнѣ опредѣлилось. На поприщѣ словесности Пушкинъ достигъ вершины своей славы, а Гоголь еще не появлялся. Нѣмецкая философія владѣла умами Русской ученой молодежи. Мы видѣли, что Хомяковъ ранѣ принадлежалъ къ тому тѣсному кружку юныхъ философовъ, котораго средоточіемъ былъ покойный Д. В. Веневитиновъ; въ него возвратился онъ и теперь, но возвратился уже не тѣмъ пылкимъ и неустановившимся юношей, какимъ покинулъ Москву семь лѣтъ назадъ, а зрѣлымъ и самостоятельнымъ мыслителемъ. Среди Шеллингистовъ, Гегеліанцевъ и беззавѣтныхъ приверженцевъ западнаго просвѣщенія раздалось его слово о необходимости самобытнаго развитія Русской народности, объ изученіи старины и возвращеніи къ ея завѣтамъ, о Православіи, какъ основѣ Русскаго народнаго характера, о значеніи Славянскаго племени въ исторіи и о будущемъ міровомъ призваніи Россіи. То было слово новое, до тѣхъ поръ неслыханное. Странно и дико звучало оно для огромнаго большинства тогдашняго образованнаго общества, называвшаго Русскаго мужика варваромъ и отождествлявшаго православленную вѣру съ постнымъ масломъ. Да и ближайшіе слушатели и друзья Алексѣя Степановича держались тогда еще совсѣмъ иныхъ воззрѣній. Къ Хомякову примыкалъ развѣ одинъ только Петръ Киреевскій; но онъ по складу своего ума и характера, скромнаго и застѣнчиваго, не былъ рожденъ проповѣдникомъ. Болѣе даровитый, старшій братъ его былъ еще далекъ отъ Православно-Русскаго образа мыслей, къ которому обратился впоследствии. Въ 1832 году онъ началъ издавать журналъ «Европеецъ», который вскорѣ былъ запрещенъ. Хомяковъ печаталъ въ немъ свои стихи. Мѣстомъ постоянныхъ сборищъ всего этого кружка былъ домъ матери Киреевскихъ, Авдотьи Петровны, по второму мужу Елагиной.

Тамъ, у Красныхъ воротъ, начались тѣ безконечные споры, которые потомъ, постепенно обостряясь, привели къ рѣзкому раздѣленію двухъ направленій Русской мысли. Но тогда эти два теченія еще не вполнѣ опредѣлились; да и самому вождю направленія народнаго нужно было еще много пережить и собрать вокругъ себя новыя, молодые силы.

Между тѣмъ вспомнимъ, что ему не было еще тридцати лѣтъ. Его живая, впечатлительная природа безпрестанно увлекалась то въ ту, то въ другую сторону, и тѣмъ поразительнѣе неуклонность

развитія его убѣждений. Въ стихотвореніяхъ этого времени можно прослѣдить такія перемѣны настроенія. То внутренній голосъ упрекаетъ его въ минутномъ забвеніи своего призванія («Думы»), то въ душу его закрадывается сомнѣніе въ себѣ («Два часа»):

Но есть поэту часъ страданья,
Когда возстанетъ въ тѣмъ ночной
Вся роскошь дивная созданья
Передъ задумчивой душой;
Когда въ груди его сберется
Міръ цѣлый образовъ и сновъ,
И новый міръ сей къ жизни рвется,
Стремится къ звукамъ, проситъ словъ.
Но звуковъ нѣтъ въ устахъ поэта,
Молчать окованный языкъ,
И лучъ божественнаго свѣта
Въ его видѣніи не проникъ.
Вотще онъ стоишь изступленный:
Ему не внемлетъ Фебъ скупой,
И гибнетъ міръ новорожденный
Въ груди безсиьной и нѣмой.

То недавніе боевые образы встаютъ передъ нимъ, и онъ снова рвется на войну («Просьба»). Но надъ всѣми этими мимолетными думами господствуетъ одно свѣтлое и строгое настроеніе вѣрующей души, сознающей свое несовершенство:

Къ небу подьмлю я очи съ мольбой,
Грѣхъ обливаю горячей слезой.
Въ сердце взгляну я: тамъ Божья печать—
Грѣхъ мой покрыла Творца благодать (Изъ Саади“).

Въ такомъ настроеніи написано стихотвореніе «На сонъ грядущій», котораго конецъ является какъ бы пророчествомъ:

Творецъ вселенной,
Услышь мольбы полнощный гласъ!
Когда Тобой опредѣленный
Настанетъ мой послѣдній часъ,
Пошли мнѣ въ сердце предвѣщанье!
Тогда покорною главой,
Безъ малодушнаго роптанья,
Склонюсь предъ волею святой.
Въ мою смиренную обитель
Да придетъ Ангель-разрушитель,
Какъ гость издавна жданный мной!
Мой взоръ измѣритъ великана,
Боязнь грудь не задрожитъ,
И духъ изъ дольняго тумана
Полетомъ смѣлымъ воспаритъ.

Наконецъ, въ поэзіи Хомякова начинаютъ болѣе опредѣленно сказываться и его всеславянскія идеи. Такова «Ода»: изъ нея виденъ взглядъ его на отношенія наши къ Полякамъ, противъ которыхъ онъ не пошелъ служить въ 1830 году.

Потомства пламеннымъ проклятиямъ
Да будетъ преданъ тотъ, чей гласъ
Противъ Славянъ Славянскимъ братьямъ
Мечи вручилъ въ преступный часъ!
Да будутъ прокляты сраженья,
Одноплеменниковъ раздоръ,
И перешедшій въ поколѣнья
Вражды безмысленной позоръ;
Да будутъ прокляты преданья,
Вѣковъ исчезнувшихъ обманъ,
И повѣсть мщенія и страданья—
Вина неисцѣлимыхъ ранъ!

*

И взоръ поэта вдохновенный
Ужъ видитъ новый вѣкъ чудесъ:
Онъ видитъ—гордо надъ вселенной,
До свода синяго небесъ,
Орлы Славянскіе взлетаютъ
Широкимъ, дерзостнымъ крыломъ,
Но мощную главу склоняютъ
Предъ старшимъ, Сѣвернымъ орломъ.
Ихъ твердь союзъ, горятъ перуны,
Законъ ихъ властенъ надъ землею,
И будущихъ Баяновъ струны
Поютъ согласье и покой.

Таже мысль, тотже поэтический образъ въ стихотвореніи «Орелъ», впервые стяжавшемъ Хомякову громкую славу между Славянами:

Высоко ты гнѣздо поставилъ,
Славянъ полуночныхъ орелъ,
Широко крылья ты расправилъ,
Далеко въ небо ты ушелъ.
Лети! Но въ горнемъ морѣ свѣта,
Гдѣ силой дышащая грудь
Разгуломъ вольности согрѣта,
О младшихъ братьяхъ не забудь.
На степь полуденнаго края,
На дальній Западъ оглянись:
Ихъ много тамъ, гдѣ гнѣвъ Дуная,
Гдѣ Альпы тучей обвилися,
Въ ущельяхъ горъ, въ Карнатахъ темныхъ,
Въ Балканскихъ дебряхъ и лѣсахъ,
Въ сѣтяхъ Тевтоновъ вѣроломныхъ,
Въ стальныхъ Татарина цѣпяхъ.
И ждутъ окованные братья,
Когда же зовъ услышать твой,
Когда ты крылья, какъ объятья,